

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

КИРИЛЛИН
Владимир Михайлович

Филологический факультет МГУ—1981; Московская Духовная Семинария—1996; доктор филологических наук—2001; профессор, заведующий кафедрой филологии Московской Духовной Академии—2004; ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН.

Имя святителя Кирилла Туровского сияет золотыми буквами на скрижалях древнерусской литературы. Некогда сочинения этого церковного писателя почитались среди русских книжников наравне с творениями святых отцов Церкви, некогда он был почтен славой «паче всех на Руси» как «второй златословесный вития» (после Иоанна Златоуста). Именно поэтому его произведения переписывали из века в век и передавали от поколения к поколению. И именно благодаря этому многое из созданного Кириллом еще в XII веке дожило до XVII столетия и стало известно затем современной историко-филологической науке.

Однако, к сожалению, об этом замечательном поэте-гимнографе, мыслителе и проповеднике, несмотря на его долгую пожизненную литературную славу и вопреки тому, что довольно скоро после смерти он был причтен к лику святых подвижников Церкви, известно крайне мало. Сведения о нем содержатся в Ипатьевской летописи, в посвященной ему «Службе» и в кратком житийном сказании, которое, как предполагают, было составлено на рубеже XII–XIII веков и затем попало в русский «Пролог» в качестве статьи, приуроченной ко дню его церковной памяти—28 апреля по ст. ст. Однако первый источник лишь упоминает под 1169 г. о Кирилле как о Туровском епископе, а второй в силу его жанровой природы слишком абстрактен. Так что остается довольствоваться одним только «Житием». Но и последнее не щедро на фактические данные.

Из «Жития» Кирилла можно узнать следующее. Местом рождения подвижника был Туров, в нем он и провел всю свою жизнь. Происходя из «богатой» семьи, рано осиротев, Кирилл, удалился от мира в Туровский Свято-Никольский монастырь и здесь

после трехлетнего «испытая» Кирилл принял монашеский постриг. Спустя какое-то время он стал игуменом этого монастыря, а затем по неизвестным причинам «в столп вшед, затворися». Будучи затворником, Кирилл «много Божественная Писания изложи», то есть, вероятно, занимался библейской экзегезой. Однако, когда слава о нем распространилась, он оставил затворничество и по воле Туровского князя и горожан стал епископом Турова. В этом качестве подвижник занимался обустройством епархии, в частности, храмоздательством и много проповедовал. По-видимому, просветительные труды были его главным занятием на протяжении всей его жизни. Во всяком случае, «Житие» содержит характеристику литературной деятельности Кирилла: «Андрею, Боголюбскому князю, многа послания написа от евангельских и пророческих писаний, яже суть чтоми на праздники Господския; ина многа душеполезна словеса, яже к Богу молитвы, и похвалы многим, и ина множайша написав, Церкви предать, канун великий о покаянии створи к Господу по главам азбуки». Кроме того, в «Житии» упоминается полемика Кирилла с Ростовским епископом Феодором, о котором речь пойдет ниже: «Феодорца, за укоризну тако нарицаемого, ересь обличи и проклят его». Свои последние годы подвижник провел на покое в Борисо-Глебском монастыре. Там он умер и там же был погребен.

Вот все, что сообщает о святителе Кирилле проложное «Житие». Соотнося его данные с различными косвенными историческими фактами, исследователи относят время рождения Кирилла к 10-м годам XII века, а время его смерти к концу столетия. Архиерейское же служение Кирилла приходится на 50-70 годы XII века. В дополнение к сказанному уместно привести характеристику внешности подвижника, известную по «Иконописному подлиннику»: «Подобием седой, волоси ушей, борода с Николину, но не волнистая, — прямая. Риза святительская, в омофоре...».

В Древней Руси Кириллу Туровскому приписывали весьма значительное число произведений. Однако с тех пор, как в 1821 г. его наследие было впервые представлено науке¹, выяснилось, что многие из них являются псевдоэпиграфами. В настоящее время к несомненным сочинениям Кирилла относят чуть более тридцати текстов, различных в жанровом отношении.

Прежде всего, важное значение имеет созданный Кириллом цикл молитв на всю седмицу. Этот цикл известен по большому количеству списков древнерусского и южнославянского происхождения, начиная с XIII века. Иными словами, в течение средневековья он был популярен во всем православном славянском мире, и именно — как «творение» или «сложение» «святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского», «преподобного отца Кирилла, мниха Туровского» и т. п. Начиная с конца XVI века и в течение XVII столетия, его неоднократно включали в старопечатные молитвословы.

Составившие этот цикл евхологические произведения предназначались для ежедневного чтения в монастыре — по одной после служб вечерни, утрени и часов. Таким образом, в цикле — 21 молитва и ежедневно надлежало прочитывать по три молитвы. Содержательно все они соотносены с церковным значением седмичных дней. Так, наряду с обязательной для всех молитв адресацией к Господу Богу, молитвы воскресного дня, или «недели», адресованы специально еще Спасителю и Святой Троице, молитвы понедельника — бесплотным силам, вторника — святому Иоанну Предтече, среды — пресвятой Богородице, четверга — святым апостолам и Николаю Угоднику, пятницы — Святому Кресту, субботы — всем святым. Текстуально молитвы довольно пространны, но при этом особенно велики молитвы после утрени. Что же касается порядка их чтения, то таковой согласован с литургическим, а не

астрономическим порядком отсчета времени. Соответственно, например, чтение понедельничных молитв начиналось молитвой после воскресной вечерни, а воскресных—после вечерни в субботу.

В плане структуры и содержания евхологии Кирилла вполне согласуются с библейско-христианской гимнографической традицией. Они построены на возгласах славословия, покаяния и прошения. В них отсутствуют лишь благодарственные пассажи. Вместе с тем художественные особенности молитв запечатлели черты индивидуальной авторской манеры их составителя,—свойственные для него изысканную риторичность, изобретательную в плане неповторяемости образность, богатство теологической тематики.

Вот, например, воскресная триада молитвенных монологов Кирилла Туровского.

Исходной темой как для этой триады, так и для всех прочих, является тема покаяния, исповедания. Как и во всех случаях, образно-стилистически данная тема разрабатывается на основе псалмопевческой, евангельской и христианской богословской мысли о грехе. Отсюда ее минорная интонация. Последняя при этом возрастает в самообличительных пассажах, «...прими вечера сего моление, еже недостойне всылаю Ти: яко голубь неразумием поучаюся, ли яко вран неподобно зовый; не хитростию бо словес возвышаю глас, но горестью душа из глубины сердца въздыша Тебе преклоняю сердце...»; и понижается в пассажах самооправдательных: «...держав умом беспрестани Тебе молитися и, мыслью раслабев, ни часа молитве оставих, духом желаю Тебе предстояти, а телом падаю зае в злодеяниих моих...» (Молитва в субботу по вечерни²).

С темой покаяния сопряжены тематические славословия и прошения. В интонационном плане

она строится на мотивах утверждения всемогущества Бога, хваления его как Творца и Промыслителя о мире, а также хваления сослужащих ему чинов—ангельских сил и святых праведников: «...веде бо бесчисленныя Твоя щедроты и неизреченное Твое человеколюбие! Яко от небытия мя в бытие привел еси, и своего образа подобием украси мя; словесем же и разумом превыше скота вознесе мя, и твари всей владыку устроил мя еси; сведый времена и лета живота моего от юности моя и до ныне пекыйся мною, да бых спасен был; и прекрасного лика Твоих ангел соглагольника имети хотя, заповедал ми еси...» (Молитва воскресная по утрени³).

Просительная тема—в силу ее кульминационного характера текстуально наиболее развитая во всех молитвах—строится на мотивах утверждения собственной искренней веры в Господа, стремления к исправлению, упования на милосердие Божие и спасение через это в будущем веке: «...дай же спасение душевному ми дому, зане же оскверних душевную сию храмину и несмь прияти достоин пречистаго Твоего тела! Но яко благ и человеколюбец приими беседу молитвы моя в сий час, в не же беседовав с женою самдрянынею и тайная сердца ея рек... Иисусе благодетелю агнице Божий, призи на смирение мое, и исправи молитву раба твоего—имя рек,—и приими словесную сию жертву от уст грешных! Аще бо нечист и весь сквернен есмь, но на Твое надеюся милосердие...» (Молитва воскресная по часах⁴).

Все три основные темы, сопутствуемые еще темами жизни и смерти, ночного покоя и ночного страхования, взаимодействия духа и плоти, развиваются в евхологиях Кирилла Туровского спиралеобразно и обертононально. Они тесно связаны друг с другом, перетекают друг в друга, звучат одна в другой. Так что молящийся вместе с тем воспроизводит величественную симфонию о жизни грешника, которая почти не омра-

сочинений в плане характерной для них литературной манеры с молитвословными и гомилетическими творениями Кирилла Туровского, первые заметно отличаются от последних нейтральным, спокойным тоном. Создавая их, автор, очевидно, избегал использовать нарочитые приемы риторизации повествования и, соответственно, нагнетения эмоционально-экспрессивной напряженности.

С историко-литературной точки зрения наиболее интересной среди названных аскетических сочинений Кирилла Туровского признана Притча о слепце и хромце⁶, поскольку единственно в ней отразились не узко церковные, а широко общественные интересы писателя. По мнению исследователей, названная «притча» была создана между 1160 и 1169 гг., и именно как памфлет, иносказательно изобличающий ростовского епископа Феодора (Федорца, по летописям), который при поддержке князя Андрея Боголюбского незаконно объявил себя автокефальным иерархом по отношению к Киевской митрополии.

Исходной идейной посылкой «Притчи» является мысль о спасительной для всякого христианина необходимости владеть искусством постижения истинного смысла «Божественных книг», того «сокровища вечной жизни», которое заключено в «словах Божиих», или в Священном Писании. Автор, опираясь на святоотеческую литературную традицию, демонстрирует, как именно посредством символической экзегезы надлежит раскрывать духовное значение священного текста.

В качестве показательного материала Кирилл использует якобы евангельский сюжет, и больше того, даже странным образом утверждает, что заимствовал его у евангелиста Матфея («...касаемся беседовать словес, поводне Господню притчу слышавше, юже Матфей Церкви предасть»). Однако пересказ притчи в «Притчи» Кирилла Туровского

стилистически, но не содержательно похож на известную притчу Спасителя о рабочих и винограднике (Мф. 20, 1-16). Вероятно, ошибку писателя может оправдать то, что сходный с его вариантом притчи рассказ был весьма хорошо известен в славяно-русской книжности и, несомненно, воспринимался как канонический. На это указывает хотя бы факт наличия близкого к нему повествования в Прологах—рукописных XIII-XVI вв., а затем и печатных XVII в., в разделе за 28 сентября. Исследователи отмечают также универсальный характер лежащего в его основе сюжета: восходя к древнееврейской книжной традиции, он известен по многим литературным памятникам Востока и Запада, в арабской, греческой и латинской версиях.

Итак, согласно Кириллу, некий «домовитый» господин насадил виноградник и, огородив его «оплотом», у единственного входа поставил двух стражников—«хромца» и «слепца». Господин полагал, что эти стражники и воров не пустят в его сад (один их увидит, а другой почует), и сами не сумеют войти в него. Наделив их «властью» вне ограды, «пищей» и одеждой, запретив им входить в виноградник и касаться там чего-либо, господин удалился, но пообещал, что заплатит им за труды, когда вернется; однако, если стражники нарушат его «заповедь», он подвергнет их наказанию. Через какое-то время после того, как господин ушел, стражники заговорили о «неизреченной сладости», находящейся в саду, и слепец предложил хромцу украсть это богатство: «Возми убо кошь и всяди на мя, и аз тя ношу, ты же покажи ми путь, и вся блага господина наю овьемлеве...». Слепец надеялся при этом обмануть своего хозяина, если тот спросит о пропаже, сославшись на их немощи—слепоту и хромоту. Так они и поступили: «Окрадота вся внутренья господина своего влагая». Когда последний узнал, что его сад опустошен, то он, прежде всего, призвал к себе слепца. Тот, как и задумал, стал жаловаться на собственные немощи и

потом оговорил своего напарника: «Хромец есть крад». Тогда господин заключил слепца в одном только ему известном месте до тех пор, пока сам не придет «взяти плод от винограда». В последнем эпизоде притчи рассказывается об окончательном суде господина. Выслушав их взаимные обвинения и поняв, что на самом деле произошло, он приговорил посадить «хромца» на «слепца» и «немилостиво казнить» их «в кромешней муменья темнице».

Такова притча. Кирилл пересказывает ее дискретно, отрывками, прерывая ход ее изложения экзегетическими пояснениями и размышлениями вероучительного и нравоучительного плана. В этих разделах писатель собственно и показывает, какво это— постигать священный текст «с расужением». В сущности, он раскрывает методику богословского осмысления «святых книг» и, вместе с тем, подспудно, намеками дает понять, как в свете подобного осмысления могут быть оценены конкретные реалии современной жизни. Главной опорой в этом автору служил, несомненно, пример самого Спасителя, который разъяснял своим ученикам смысл собственных притч посредством символично-аллегорической экзегезы, а также посредством прямого или же ассоциативного обращения к библейскому преданию. Соответственно, Кирилл пространно комментирует корпус сюжетно-повествовательных деталей приводимой им притчи символическими толкованиями. Так, «человек домовитый» — это Бог-Творец, «хромец» — тело человека, «слепец» — душа человека, постигшая стражников кара—«воздание кождо по своим делом» на последнем Суде и т. п. Замечательно, что при этом каждое толкование подкрепляется библейскими цитатами: «Человек домовит— Бог Всевидец и Вседержитель, створивы вся словом, видимая же и невидимая. Домовит же ся именует,— яко не един дом имать, по писанию. Иже бо пророк: «Твоя суть небеса и Твоя земля; вселеная и конецъ ея Ты основа» (Пс. 88,

12). Но еще более замечательно, что подобные, символически соотнесенные пары, Кирилл в некоторых случаях весьма развивает, распространяя свою экзегезу со сферы богословской в сферу социальную, так что его толкование обретает актуальный смысл. Например, «виноград», насажденный господином,—это многозначный образ: и «рая», и «олтаря», и тварного, земного «мира»; а «пища», данная слепцу и хромцу,—это образ и «слова Божия», и «эдема», и «църкви», и «епископии», и «монастыря». Соответственно надо понимать, поскольку сам Кирилл об этом прямо не говорит, что «слепец» — это не просто образ души, но и образ священнослужителя, тогда как «хромец» олицетворяет не только тело, но и църковный народ, мирян. А их намерение ограбить виноградник—это «помышления суть ищющих не о Бозе света сего санов и о телеси токмо пекущихся...». Подобная логика толкования позволяет мыслителю делать публицистические выводы: говорить об общественном значении Църкви и обличать непристойное поведение отдельных ее служителей: «тако бе посажен хромецъ (со) слепцемъ у врат стрещи внутренних, яко же приставлени суть патриарси, архиепископи, архимандрити межю църковью и олтаремъ стрещи святых тайн от враг Христов, сиречь от еретик и зловерных искусник, нечестивых грехолюбець иноверных скверник»; или: «Никто же бо страх Божий имея в плотских прелстися! Никто же правоверен чрес закон священъскаго ищеть взяти сана?»; или: «Сице и святители святять падьяки, и чтеци, и дяконы— несвершен дар, но обет священя, да ся приготавлиють на свершеное святительство. Ничто же Богови тако любо, яко же не возноситесь в санех, ничто же тако не мерзитъ Ему, яко же самомнимая величава гордость о взятии сана не о Бозе».

В подобных утверждениях кроется очевидный намек на современные Кириллу обстоятельства. А именно на революционную внутреннюю политику Андрея Бого-

любского, который, став великим Киевским князем, отказался от Киева как великокняжеской резиденции и избрал Владимир-на-Клязьме в качестве нового политического центра всей Руси. Вместе с тем он предпринял усилия—отчасти успешные—к выделению владими́ро-суздальских земель из состава Ростовской епархии с целью образования новой церковной области, причем в статусе митрополии, автономной по отношению к Киевскому митрополиту и прямо подчиненной Константинопольскому патриарху. Проводником этой политики по церковной линии был фаворит князя Андрея некий Феодор, выходец из Киево-Печерского монастыря, затем игумен какого-то суздальского монастыря и, наконец, епископ Ростовский. Свое архиерейское посвящение последний получил в Константинополе помимо Киевского митрополита и обманом, а вернувшись на Русь, отказался подчиняться тогдашнему главе Русской Церкви Константину, то есть явно объявил себя автокефальным владыкой. Кроме того, по летописям, он позволял себе критику великого князя, крайне жестокое отношение к народу, а также хульные высказывания в адрес святых, Богоматери и даже самого Бога. В конце концов, Андрей Боголюбский отказался от покровительства Феодору и в 1169 г. отправил его в Киев на суд. Здесь этот церковный деятель был обвинен как еретик и подвергнут суровому наказанию: ему отсекали правую руку, отрезали язык, выкололи глаза и отрубили голову. Любопытно, что в том же году, спустя какое-то время после казни над Феодором (слепцом, как видно) его бывший покровитель великий князь Андрей (тоже, между прочим, обладавший физическим недостатком—хромотой) прислал в Киев огромную армию, которая полностью разграбила город. Однако спустя пять лет и сам Андрей Боголюбский был убит, причем убит предательски, собственными же слугами.

NN04

Таким образом, если действительно и сама тольк

Минский Духовный Академии

его публицистические размышления отражают современные ему реальные события, то тогда надо бы иначе думать относительно времени возникновения данного сочинения. Вероятнее всего, оно было написано после того, как в действительной жизни казнь Божия аналогично сочинению уже настигла обоих прототипов такового— сначала слепца (Феодора), а затем хромца (Андрея), которым Господь вверил на брежение и русскую Церковь, и русскую землю. Следовательно, сочинение могло появиться не во время самих событий—как предостережение его участникам (к ним святитель, вероятно, обращался с более простыми увещательными посланиями, на что указывает его «Житие»), а после 1174 года—как осмысление случившегося с ними, адресованное к самому широкому кругу людей.

Но как бы то ни было, очевидно, что общий идейный смысл Притчи о слепце и хромце не ограничивался только утверждением отвлеченного богословско-философского постулата о взаимответственном в перспективе всей истории творения Божия бытии двух сфер—плотской и духовной, земной и небесной, деятельной и мыслительной. В сочинении развивалась еще и практическая пастьрская тема,—а именно тема назидания относительно полной необходимости для всех без исключения следовать законам Божиим, пребывать во взаимном послушании и смирении; и вместе с тем—тема поучения относительно обязательного высшего возмездия за преступное распоряжение как светской, так и церковной властью: «Господь бо свесть злохитрых помышления, яко суть, лестна, и Тъи изметаеть неправедный из власти и изгонить нечестивыя от жертвеника. Никий же бо сан мира сего от муки избавить преступающих Божия заповеди!».

Из всех творений Кирилла Туровского наибольшую славу среди древнерусских книжников обрели его проповеди. Недаром

их чаще всего включали в сборники святоотеческих гомилий: «Торжественники» и «Златоусты». Вообще по рукописям известно значительное число таких текстов, в заглавии которых обозначено имя писателя. Однако благодаря научной критике только 8 из них считаются действительно созданными им, а его авторство относительно прочих текстов пока что не доказано. Это речи, написанные и сказанные Кириллом по поводу событий, припоминаемых Церковью в рамках пасхального богослужебного цикла: 1) «В неделю Цветную о сказании Евангельском святого Кирила»; 2) «Слово Кюрила, недостойного мниха, на святую Паску, во светносный день, Воскресения Христова, от Пророческих сказаний»; 3) «Слово Кирила, недостойного мниха, по Пасце, похваление воскресения, и о артусе, и о Фомине испытаны ребр Господних»; 4) «Святого Кюрила мниха слово о снятии тела Христова с креста, и о мюроносицах, от сказания Евангельского, и похвала Иосифу, в неделю 3-ю по Пасце»; 5) «Того же грешнаго мниха слово о расслабленем, от Бытия и от сказания Евангелскаго, в неделю 4 по Пасце»; 6) «Кюрила мниха слово о слепши и о зависти жидов, от сказания Евангельскаго, в неделю 6-ю по Пасце»; 7) «Кюрила, недостойнаго мниха, слово на Вознесение Господне, в четверток 6 недели по Пасце, от Пророческих указаний, и о воскрешении всеродна Адама из ада»; 8) «Кюрила, грешнаго мниха, слово на Сбор святых отец 300 и 18, от святых книг указание о Христе, Сыне Божиим, и похвала отцем святого Никейскаго собора, в неделю прежде Пянтикостия».

В плане художественной формы и содержания эти произведения являются блестящими образцами древнерусской ораторской прозы, или церковного красноречия. Создавая их, Кирилл Туровский следовал своему излюбленному принципу символично-экзегетического подхода к предметам истории и веры, а также принципу риторической организации повествования. Именно поэ-

тому его «Слова», будучи комментариями к тематически соответствующим им евангельским чтением, отличаются пышностью стилистического оформления и отвлеченностью содержания. Все они посвящены богословско-философской проблематике и вовсе не касаются, в отличие от «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, общественно-политических вопросов и не решают, в отличие от поучений преподобного Феодосия Печерского, какие-то определенные назидательные задачи. По признанию самого Кирилла, он стремился явщим образом «просавити», «воспети», «возвеличити», «украсити словесы», «похвалити» то или иное библейское событие и, соответственно, церковный праздник. При этом Кирилл широко, тонко и умело использовал предшествующую литературную традицию, — прежде всего, святоотеческое гомилетическое наследие, и не только как сокровищницу разнообразнейших риторических приемов, но и как кладезь богословской мысли и образно-эмоциональной речи. Исследователи отмечают в его «Словах» рефлексы использования сочинений значительного числа византийских авторов IV–XI вв.: Евсевия Кесарийского (+340), Тита Бострийского (+372), Ефрема Сирина (+372), Григория Богослова (+389), Епифания Кипрского (+403), Иоанна Златоуста (+407), Кирилла Александрийского (+444), Прокла Константинопольского (+446), Симеона Метафраста (+ок.940), Феофилакта Болгарского (+ок.1085) и др. Широко и разнообразно использовал Кирилл Туровский также ветхо- и новозаветные повествования, апокрифические тексты, богослужебные стихословия, «Хронику» Георгия Амартола и другие литературные источники. При этом заимствованные пассажи, цитаты, реминисценции, аллюзии, парафразы, образы, словесные формулы он свободно комбинировал, художественно обогащая их собственными дополнениями и размышлениями. Так что в результате под его пером возникала сложная мозаичная картина божествен-

ной, сакральной действительности, в которой неслиянно и нераздельно сплетены и смешаны прошлое, настоящее и будущее, небесное и земное, вечное и преходящее, священное и обыденное, духовное и чувственное. Именно поэтому вряд ли правомерно считать Кирилла Туровского, вслед за некоторыми исследователями, только лишь искусным подражателем и компилятором. Традиционно следуя правилам средневекового литературного этикета и наполняя свои тексты так называемыми топосами (общими местами), этот древнерусский ритор все же был совершенно свободен в своем выборе заимствований, их смысловом препарировании, художественном сочетании и интерпретации. Несомненно, он был талантливейший мастер слова и в своей ораторской прозе (впрочем, как и в других сочинениях) сумел вырваться из тесных рамок литературной компиляторской традиции и достичь художественного совершенства, хотя при этом—будь то послания или гомилии—не уставал говорить о собственной худости, как бы продолжая исповедальные мотивы своих седмичных молитв.

По поэтической природе речи Кирилла Туровского очень близки и к его молитвенным сочинениям, и к его посланиям. Они также отличаются удивительной продуманностью и выверенностью содержания, стройностью композиции и богатством стилистики, глубиной символично-аллегорического смысла и разнообразием экспрессивно-эмоциональной интонации. Ораторский талант проповедника в полной мере можно почувствовать, например, анализируя его четвертое «Слово»—о снятии тела Христова с креста и об Иосифе и мироносицах⁷,—одно из его самых поэтических творений, по мнению русского церковного историка митрополита Макария (Булгакова).

Как следует из заглавия этого «Слова», оно было произнесено в 3-е воскресенье, или «неделю», в Мисской Духовной Академии, тогда

Церковь вспоминает о женах-мироносицах, которым первым было открыто то, что Иисус Христос воскрес из мертвых, а также об Иосифе Аримафейском и Никодиме, которые, не боясь запрета Синаedriona, предали тело Спасителя земле. Вопросам относительно источников произведения, а также его художественных особенностей, в научно-учебной литературе уделено достаточно много внимания. А вот его содержание освещено не вполне.

«Слово» начинается с краткого приступа в виде похвалы наступившему празднику. Он подобен золотому ожерелью («пленица златы») с жемчугом и драгоценными камнями. Однако значительно более веселит «верных сердца» его духовная красота. Далее следует главная и по объему, и по содержанию часть. В этом сюжетно-повествовательном разделе обстоятельно рассказывается о погребении умершего на кресте Иисуса Христа. И затем, провозгласив хвалебствия Иосифу, оратор завершает свою речь обращенной к нему же краткой просительной молитвой о небесной помощи почитающим его память людям.

Вообще для всего написанного Кириллом Туровским характерен цепочный принцип построения текста, воплощающийся в амплификации—стилистической либо сюжетной. Думается, как на образец древнерусский писатель ориентировался не только на классиков византийского красноречия, но и на богослужебное последование. Соответственно, во всех своих произведениях он неизменно чередовал однородные по типу или семантике формы и фрагменты с целью максимально исчерпывающего выражения смысла. Так, отдельные сцены или эпизоды выстроены у него обычно посредством планомерного—взаимно симметричного или пропорционального—сочленения периодов, пассажей или тирад. Последние организованы на основе чередования более мелких, но однородных же, или самоподобных, синтаксических единиц

речи: предложений — простых и сложных, утвердительных, отрицательных, вопросительных, восклицательных. Таковые, в свою очередь, разбиваются на морфологические цепочки: на ряды одинаковых именных форм, глагольных форм, предложно-падежных сочетаний. Кроме того, имеет место еще и тропологическое, то есть на уровне образности, чередование: цитат, аллюзий, устойчивых формул, лексических повторов, синонимов, сравнений и т. д.

Что касается рассматриваемого четвертого «Слова» Кирилла, то основным конструктом его главной, сюжетно-повествовательной части является монолог. Содержащаяся в Новом Завете исходная фабульная основа относительно мироносиц и Иосифа: чтения Утрени (Мк. 16, 9-20) и Литургии (Мк. 15, 43-47), информационно весьма краткая, развита здесь преимущественно за счет монологической речи. Иначе говоря, изобразительную часть «Слова» составляют, не считая связующих описательных пассажей, четыре раздела: 1) плач Богоматери у ног распятого на кресте и уже почившего Иисуса Христа; 2) речь Иосифа Аримафейского к Понтию Пилату, представляющая собой просьбу о разрешении снять Спасителя с креста для погребения; 3) плач самого Иосифа над останками Христа перед приданием их земле; 4) речь юноши, или ангела, к женам-мироносицам о воскресении Христа и, соответственно, отсутствии его тела во гробе. Так что посредством этих речей риторика удается поведать о всей истории вочеловечения Сына Божия и попутно преподать основные истины вероучения — о Троице, Богоматери, спасении человечества во Христе.

В силу монологического принципа построения «Слова» по своей природе драматургично, описывает события в живо представимых образах и как бы призывает внимающих живо соучаствовать в производимом действе. При этом каж-

дущности, отдельным произведением со своим планом, собственной идеей и повествовательной интонацией, — например, по-человечески скорбной, печальной или же исполненной радостью религиозного переживания; и каждый из этих монологов несет в себе двойную информацию, — обращенную и к чувствам, и к уму человека, предназначенную для того, чтобы вызвать в нем сопереживание, сильный душевный порыв, и чтобы укрепить в нем веру, духовно возвысить его. Кроме того, все четыре речи связаны воедино общей христологической темой, однако, раскрывают такую по-разному. Так, в плаче Богоматери Иисус Христос трактуется как безвинная Жертва: «Увы мне Сыне! Неповинен, ты бысть и на кресте смерти вкуси...», «Видю тя, милое чадо, на кресте нага висяща, бездушна, безречна, не нмуша видения, ни доброты и горько уязвлюся душею...», «Ныне же зрю тебе, аки злодея, межю двема повешена разбойника и копием прободена в ребра мертвеца. И сего ради горько изнемогаю...», «Слышите, небеса и море с землею, внушайте моих слез рыдание! Се бо Творец вашот священник страсть приемлет, един праведен за грешники и незаконники убиен бысть...». В речи Иосифа к Понтию Пилату Иисус Христос представлен как Мессия, в лице Которого исполнились все издревле известные по Священному Писанию предсказания: «О том молю ти ся телеси, о нем же прорече Каияфа: «Тому единому за весь мир умрети!». Не просто сего прорече, но жрец бе сего лета. О них же рече Иеремия: «пастуси посмрадиша виноград мой». И паки псалом глаголет о них: «Князи людстии собраща на Господа и Христа его». Си бо рече Соломон: «Промыслиша и прелстишася, ослепи бо злоба их», рекоша бо: «Уловим праведника, руганием и ранами истяжем его и смертию безлепотно осудим его». Плач Иосифа есть утверждение догмата об Иисусе Христе как Боге: «Солнце незаходяй, Христе, Творце всех и тварем Господи!...», «Или каковы воня възлею на твое святое тело, ему же дары с вонями

перстии принесше цесари, яко Богу поклоняхуся?...», «Како ли в моем худем положю Тя гробе, небесный круг утвердившаго словом и на Херувимех с Отцем и со Святым почивающаго Духом?». Наконец, речь ангела к мироносицам трактует Иисуса Христа как Спасителя: «Видите,—без телесе есть плащаница! И о плотном Иисусове хвалите востании! Будете благовестнице человеческому спасению! Рцйте апостолом: «Днесь спасение миру!»»; «...Христос же, на кресте простер, осужения греховнаго и от смерти человекеы свободы! Неповинен сы, продли бысть, да проданая грехом от дьяволя рабобы да избавит... Кровь с водою из ребр источи, има же телесную всю скверну очистив и душа человека осятил есть... Солнце помрачи, и землю потрясе, и твари всеи плакатися створи, да адская раздрушитъ скровища, и тамо сущих душа свет видеша, и Евжин плачь на радость преложи...». Отмеченное тематическое единство усиливается, разумеется, общностью сквозных, повторяющихся словесных формул, акцентирующих внимание на определенной семантике.

Любопытен третий раздел «Слова». Как бы забыв о женах-мироносицах, Кирилл Туровский весь талант своего красноречия обращает к подвигу веры, совершенному именно Иосифом Аримафейским. Восхваляя его в возгласах убажания, оратор утверждает, что он «блажен» более херувимов, более патриархов Авраама, Исаака и Иакова, более пророков Моисея, Давида и Соломона, ибо стал «совершителем Божия таинства и пророчских гаданий разрешителем». Замечателен своей риторической экспрессией следующий далее пассаж, восхваляющий Иосифа в вопросо-ответной форме: «Кую похвалу створим достойну твоего блаженства, ли кому уподоблю сего праведника? Како начну или како разложу? Небом ли тя прозову? Но того светлей бысть благочестьем! Ибо во время Иерети Христовы небо помрачиси и свой свет скривил. Ты же, Иосифе, в темноту руку

Бога носяше. Землю ли тя благоцветущую нареку? Но тоя честней ся показа! тогда бо и та страхом трясашеся, ты же с веселием Божие тело с Никодимом в плащаницу с вонями обив положил еси. Апостолом ли тя именую? Но и тех вернее и крепчею обретешя! Еда бо они страха ради жидовска разбегошася, тогда ты без боязни и бесумнения послужил еси Христови...». Впоследствии подобная—любимая Кириллом Туровским—форма похвалы будет подхвачена и развита древнерусской агиографией (Житие Стефана Пермского, Слово о житии и о преставлении князя Димитрия Ивановича).

Размышляя о значении похвалы Иосифу в составе «Слова», некоторые ученые недоумевали относительно того, почему именно на нем оказалось сосредоточенным внимание риторика. Имея в виду тему праздника (Неделя жен-мироносиц), они считали данный раздел всей речи алогичным перекосом. Однако надо учесть то, что «Слово» произносилось как часть богослужения. А в ходе последнего, согласно Студийскому уставу и Цветной Триоди, практиковавшимся во времена Кирилла Туровского, преимущественно вспоминали и славил как раз мироносиц (тропари, стихиры, канон, кондак, синаксарное чтение), причем в течение восьми дней—начиная с утрени субботы второй седмицы и в продолжение всей третьей седмицы вплоть до утрени субботы. Так что своим панегирическим вниманием к Иосифу проповедник как бы компенсировал его сравнительно слабое богослужбное славение.

Кроме того, думается, некоторое объяснение дает рефреном проводимая через «Слово» мысль о том, что Иосиф, сам будучи иудеем, пошел за Христом, который был погублен иудейским «дерзновением», «жидовским окаменением», «священниками», «фарисеями», «Архиереями», «жрецами»; Иосиф не сказал себе: «Жрецы на мя встанут и озлобят, иудеи вскрамолят

и поблюют мя, фарисеи разграбят мое богатство, буду же и сборища (то есть соборания, церкви) отлучен», а вопреки «гневу жидовску», «чая тридневнаго воскресения», совершил благо, положив тело Спасителя во гроб, который затем стал для всех исповедующих Христа «престолом Божиим», «олтарем небесным», «покоищем Святаго Духа»; так Иосиф явил исключительный пример преданности Сыну Божию «паче всех святых» Видимо, эта мысль и таит в себе неявно выраженное назидание проповедника его пастве—призыв к неколебимому, бескомпромиссному стоянию за веру в условиях неустойчивого религиозно-нравственного состояния общества. Известно, например, что Кирилл Туровский выступал, за традиционное строгое соблюдение поста по средам и пятницам, критикуя вышеупомянутого Ростовского епископа Феодора, который не только высказывал по этому вопросу либеральное мнение, но еще более согрешал, деспотически закрывая во Владимире храмы и жестоко казня людей, которые не признавали его архиерейства. Подобное поведение высшего церковного сановника, несомненно, должно было восприниматься искренними чадами Церкви весьма болезненно и опасно как соблазнительное, то есть способное сбить нетвердых в вере с праведного пути. Сказанное, таким образом, не исключает возможности рассматривать «Слово» еще и как рефлекс современных его автору общественных настроений и его беспокорства о таковых. Неслучайно оно и завершается молитвенным прошением к Иосифу подать «помощь» «граду», князю и народу в «лютых напастях».

О святителе Кирилле Туровском написано много научных работ, его сочинения неоднократно издавались. Однако, к сожалению, до сих пор не выполнен труд по составлению полного каталога действительно написанного Кириллом, а также лишь приписываемого ему древнерусскими книжниками. Соответственно, еще не создан обобщающий научный труд, в котором творческая личность этого замечательного древнерусского писателя была бы исчерпывающе охарактеризована.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Памятники Российской словесности XII века, изданные с объяснениями, вариантами и образцами почерков К. Калайдовичем. М., 1851. С. X-XII, 3-152.
- ² Рогачевская Е. Б. Цикл молитв Кирилла Туровского: Тексты и исследования. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 146/191.
- ³ Там же. С. 91.
- ⁴ Там же. С. 95, 96.
- ⁵ Там же. С. 93.
- ⁶ ПЛДР: XII век. М.: «Художественная литература», 1980. С. 290-308 (подгот. текста В. В. Колесова); БЛДР. Т. 4: XII век. СПб.: «Наука», 1997. С. 142-158 (подгот. текста В. В. Колесова).
- ⁷ ПЛДР: XII век. С. 311-322 (подгот. текста В. В. Колесова); БЛДР. Т. 4: XII век. С. 158-170 (подгот. текста В. В. Колесова).